

С ВЕРНУВ с говорливой и нарядной, снявшей в вечерних огнях пражской улицы, где над высоким, в стекле и бетоне, модернизированным зданием универсального магазина с поэтическим названием «Белый лебедь» и в самом деле раскинул неоновые крылья белый лебедь, я очутился на улице-пассаже, затем по двум маршам лестницы спустился в элегантный, хотя и несколько мрачноватый, зрительный зал театра, находившегося глубоко под землей.

Радужно протягивая обе руки гостю из советской страны, мешая русскую речь с чешской, вышел навстречу небольшого роста человек в рабочей блузе, в движениях удивительно быстрый и легкий, с лицом усталым и одновременно энергичным, с непокойным взглядом умных черных глаз, также излучавших, казалось, неиссякаемую энергию. Так произошло знакомство с Эмилем Франтишкой Бурианом, о котором я много слышал и ранее.

За дни, проведенные в Праге, мне удалось посмотреть несколько спектаклей, сыгранных театром Д-34. Я видел, как принимают их чешские зрители, чувствовал живую реакцию зала на каждое слово.

Мне стало ясным, вернее, еще более ясным, почему театр Д-34, возникший в годы, когда Чехословакия была страной буржуазной, капиталистической, когда у ее границ бушевали нацистские орды, — почему этот театр был белым на глазу у буржуазного общества, спектакли его

О БУРИАНЕ И ЕГО ТЕАТРЕ

немилосердно резались цензурой, а то и вовсе запрещались.

«Невинная» пьеса Б. Брехта «Опера нищих» была решена театром и воспринималась зрителями, как протест против морали буржуазии, как дерзкая насмешка над растленными нравами, при которых гангстер и шериф связаны неразрывными узами. Буриан меняет финал пьесы в соответствии с горькой правдой жизни — гангстер, убийца помилован в честь коронации королевой! Введенный в действие новый персонаж — уличный певец — смело вмешивается в действие пьесы, издеваясь над условностью, лицемерием и фарисейством капиталистического общества, где невозможно истинное правосудие, где живут по законам волчьей стаи. Таким же смелым вызовом существующему строю был и другой спектакль, поставленный Бурианом, — инсценировка любимого нашим читателем великого романа Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка».

В марте 1941 года театр Д-34 был закрыт окончательно оккупационными властями. Эмил Буриан, борец-антифашист, был заключен в концентрационный лагерь. Страдания и лишения не сломили этого замечательного человека. Здесь он сблизился с другими революционерами, с русскими товарищами. В концлагере он просидел до конца войны. Его освободила Советская Армия. Он вышел из страшной тюрьмы физически истощенным, ослабевшим, но полным воли, энергии и желания строить новую культуру новой Чехословакии. Вскоре на улицах Праги вновь запылали афиши возрожденного театра Д-34. Слова душа его — Буриан, а Буриан — это значит поиск, мечта, дерзание. Театр ищет, театр экспериментирует, театр хочет идти вперед.

Второе место на афише после произведений национальных заняли русские классики, пьесы советских драматургов.

В Москву театр привез «Швейка», «Оперу нищих», «На ярмарке», «Крысолова» и комедию чешского писателя-просветителя первой половины девятнадцатого столетия Вацлава Климента Клицпера — «Каждому по заслугам». На закрытом, дискуссионном просмотре театр показал спектакль «Евгений Онегин» по мотивам гениального пушкинского произведения и «Веру Лукашеву».

С иными сценическими решениями можно было спорить, иные вызвали оживленную дискуссию зрителей в кулуарах и после спектаклей, но работы театра всегда были талантливы, самобытны, оригинальны. Вызвала, напри-

мер, оживленную дискуссию «Вера Лукашева». Может ли театр инсценировать произведение с таким медленно развивающимся действием, с таким небольшим количеством лиц — героиня иногда остается на сцене одна, совсем одна и довольно долгое сценическое время!

Но я видел «Веру Лукашеву» в Праге, там это один из наиболее посещаемых спектаклей. Это тонкое, поэтическое произведение, своеобразное стихотворение для сцены, повествующее о судьбе наивной, полной детского очарования девочки-подростка, только что вступающей в жизнь, Алена Крейтцманнова — Вера Лукашева — это воплощение чистого, прекрасного, нежного, это романтическое представление о жизни, где каждая прозаическая вещь облекается в поэтические одежды. Веру Лукашеву и ее мечтания подстерегает мерзкая грязь старых пережитков. Героиня прошла через трудные испытания и сохранила свежесть ума и чистоту восприятия, она опустила руку и локоть друга, мальчика Ярки, вместе с ним она пошла вперед, навстречу веку...

Как жаль, что здесь, у нас, в Москве, многое утратилось в очаровании спектакля из-за того, что в переводе через наушники своеобразия этой театральной поэмы, оттенки сценической речи, интонации ее зачастую пропадали для зрителя.

Однако, «языковые» преграды не помешали нашему московскому зрителю ощутить и оценить прелесть постановок театра Д-34. То и дело взрывался смехом зрительный зал на премьере «Бравого солдата Швейка». Франтишек Голар играет этот любимый образ по своему, перед нами внешне невозмутимый, добродушный человек, всерьез говорящий самые невероятные вещи, человек, которого любят простые люди и не выносят холоду австро-венгерской монархии.

Швейк — Голар — это человек умный, если хотите, мудрый, в каждом его слове — здравый смысл простого человека, в аспекте которого кажутся нелепыми и уродливыми общепринятые нормы, установления и законы австро-венгерской империи. И, ощущая всем своим существом дичь и глупость этих норм и установлений, кричит Швейк: «Как это будет здорово, если мы умрем за государя-императора, если нас разорвет на куски!».

В преувеличении, в гиперболе, доведенной до абсурда, одновременно и оружие Швейка и его щит. Театр Д-34, инсценировавший романа Эмиля Буриан решил спектакль в согласии с этим авторским замыслом, взяв на вооружение и иронию, и гротеск, и народный лубок,

создавая образ главного героя всерьез, памятуя о словах Гашека, сказанных им в предисловии к своему произведению: «В наше время вы можете встретить на пражских улицах бедно одетого человека, который и сам не подозревает, каково его значение в истории новой, великой эпохи... Если бы вы спросили, как его фамилия, он ответил бы просто и скромно «Швейк».

Буриану и руководимому им театру вообще свойственно тяготение к народному лубку, к площадным представлениям, и это тяготение мы отчетливо ощутили в другом спектакле — «На ярмарке». Мы увидели обработку пьесы, написанной неизвестным автором в девятнадцатом веке, перед нами открылось представление веселое, задорное, театр в театре, полный балаганских аттракционов, чудесных превращений, в котором танцуют балерины и прыгают акробаты, в котором вам дается богатая возможность лицезреть турецкого султана и английского короля, подлого генерала Минца и искусного мастера Гонзична. В уста Гонзички вложены и слова, которые могут, в сущности, быть моралью этого представления: на жизнь надо зарабатывать своим трудом, честно...

Совсем в другом ключе решена другая сказка, написанная знаменитым чешским поэтом Виктором Дыком, — «Крысолов». Так же, как и «Вера Лукашева», так же, как и «Опера нищих», этот спектакль родился в тяжелые годы борьбы чехословацких коммунистов против надвигающегося на страну фашистского удущья. И сейчас, в наши дни, «Крысолов» смотрится с исключительным интересом.

В этой заметке я не успел сказать о всех мастерах этого театрального коллектива, не успел, да и нет места — иначе нельзя было бы не отметить и Оттокара Броусека, и Зузану Кочеву, и Виолу Зинкову, и Фердинанда Крута, и Карела Лица, и Станислава Фишера, и Руже-ну Похову, и Феликса Ле Бре, и Богумила Кржижека, и Марту Кучиркову, и Йозефа Козака, и Либушу Волкову, и Антонина Трнавского, и многих-многих других. Чувство ансамбля, присущее им, умение слить свои индивидуальные качества в едином ритме спектакля, богатство актерской палитры — все эти драгоценные качества театра Д-34 сделали его гастролью в Москве примечательным событием нашего театрального сезона, нашей театральной весны. Очень жаль, что московский зритель не смог ознакомиться и с другими работами этого театра, работами, в которых решаются или ставятся жгучие, актуальные проблемы сегодняшней жизни планеты.

Но ведь эта наша добрая и плодотворная встреча — не последняя...

Александр ШТЕЙН.